

Николай Коледин — главный редактор газеты «Усть-Катавская неделя», Челябинская область

Кулинарно-житейская история № 75

Николай Коледин

Дедовский бутерброд

Кто служил во времена Леонида Ильича в армии, тот меня поймёт без лишних объяснений, а вот для всех остальных поясню, что он собой представляет.

В обычные дни деликатесом на завтрак служила пайка масла. Стандартный кусочек граммов этак двадцать — не более. Дежурный ставил на стол алюминиевую тарелку с количеством кусочков масла, равным количеству сидящих за столом. Каждый воин брал свою пайку и двигал тарелку товарищу.

Масло чаще всего сдабривало кирзовую или пшённую кашу. А вот в воскресенье — в выходной день к обычному непривычному меню добавлялась пара конфеток-карамельек и пара куриных яиц.

Молодые воины проглатывали всё это с волчьим аппетитом, а вот старослужащие, кому до дембеля оставалось уже меньше года, начинали за столом священнодействовать.

На фото первый слева — Николай Коледин

На кусок хлеба намазывалось масло, затем из яиц вынимались желтки, они раскрашивались поверх масла, слегка солились, и, празднично желтеющая масса аккуратно уминалась на поверхности бутерброда.

Запивать такое блюдо сладким чаем из алюминиевой кружки было большим удовольствием... Служил я на Дальнем Востоке,

в Хабаровском крае. Как-то раз в середине лета прапорщик из химроты, будучи моим земляком, отпросил меня у начальства на рыбалку. Поехали на промысел вшестером. Кроме двух прапорщиков было два сержанта и пара молодых сол-

дат. Остановились около бочки, довольно странном изобретении неприхотливого времени — снаружи это напоминало большую бочку на колёсах, а внутри — вполне сносное и тёплое жильё. Лейтенанты и прапорщики нередко в качестве первого жилья получали квадратные метры именно в таких бочках.

Хозяин дома вытащил из-под бочки свёрток, который многообещающе дзинькнул стеклотарой, затем метнулся, как Диоген, в своё жильё и вынес большую сумку и связку вил. Всё это закинул к нам в кузов, и мы тронулись в сторону сопок — Мы на сенокос-то не собирались совсем, — прикололись мы. Одно утешало — содержимое сумки с ёмкостями. Путь оказался долгим, но в конце концов, мы оказались около какого-то КПП. Прапорщик, заглянув в кузов потянул на себя сумку, ловко вынул из неё несколько бутылок и пропал в дверях пропускного пункта. Вскоре он был уже в кабине, а заспанный воин отматывал цепочку шлагбаума. Мы проехали за колючку, и вскоре наш экипаж прыгал по кочкам и выбоинам. Остановились, прапорщик откинул брезент, и мы, щурясь, выбрались на свет божий.

— Всё, быстро по презервативам, чтоб потом не терять времени, — скомандовал наш командир. Он вытряхнул из большой сумки четыре комплекта противохимической защиты. Мы облачились в непромокаемые костюмы, получили в руки вилы и спустились в низинку,

поросшую редкой осокой. Воды было совсем немного, только местами чуть выше колена. И всё пространство маленькой реки буквально кипело. Мы, почти не глядя, цепляли вилами упругих рыбин и выбрасывали их на берег. Рыбалку это напоминало мало. Начальство вспарывало рыбакам животы и вываливало икру в высланную полиэтиленом алюминиевую флягу. Выпотрошенную рыбу мы скидывали в кузов на расстеленный кусок полиэтилена. Уставшие до изнеможения, мокрые от нахождения в ПХЗ и провонявшие рыбой, мы уже без особого воодушевления выпили щедро выделенную прапорщиком поллитровку. Хорошо, что у прапорщика хватило ума задействовать на разгрузку других вояк. Через пару дней он принёс мне целый котелок красной икры.

— Побалуйтесь с пацанами, удачная рыбалка была. В этот выходной за нашим столом бутерброды были не просто дедовские, а царские. На тоненький слой масла алюминиевыми ложками толстым слоем укладывалась свежепосоленная икра.

А вскоре в рационе столовой появилась и красная рыба, которую хозяйственные прапорщики засолили в деревянных бочках. Но была она какой-то невкусной. То ли отдала все соки при нересте, то ли солить её не умели. Селёдка — и то вкуснее.

После дембеля я вернулся в Башкирию, работать в родную районную газету. И тут подвер-

нулась командировка в спецхоз, занимавшийся откормом свиней. Знатное было хозяйство — под самым боком у столицы Республики. Чтобы вручить очередное знамя победителям соцсоревнования, в спецхоз поехал третий секретарь райкома, занимающийся идеологией. А так как я и снимал, и писал, то освещать столь важное событие редактор отправил меня одного. Тем более что не пришлось гнать редакционную развалюху — третий секретарь согласился по просьбе редактора взять меня с собой.

Как только я уселся на задний диван райкомовской «Волги», важный начальник в разговоре сразу взял покровительственный тон и всю дорогу учил меня жить. Я помалкивал и вежливо кивал головой с ещё не отросшими после дембеля волосами.

Свиньи в спецхозе уже жили в развитой стадии социализма. Спали на чистых полах с подогревом и под розовым сиянием инфракрасных ламп. Стоило хрюшке проголодаться, она тыкала рылом в пятак кормушки, и ей по трубопроводу в ёмкость подавалась сдобренная витаминами баланда. Рядом находилась поилка. А в обеденное время под сводами откормочника лилась тихая классическая музыка. Даже запаха свинарника в этом дворце почти не чувствовалось.

В клубе спецхоза прошла церемония вручения знамени, и его директор пригласил третьего секретаря разделить скромную трапезу к себе домой.

— Вот паренёк из газеты, его бы тоже нужно покормить, — проявил отеческую заботу партийный начальник.

Директор немного озадачился, но согласно кивнул головой.

В отдельно взятом коттедже развитой социализм уже тоже присутствовал. В комнатах стояли импортные мебельные стенки, сквозь их остеклённые дверцы сиял хрусталь. На полу и по стенам расположились ковры. За столом нас потчевала жена директора. Крупная женщина в ярком халате буквально ловила каждое движение своего супруга и старалась не ударить в грязь лицом.

Стол ломился от деликатесов. Здесь были колбасы, сыры, ароматная горячая солянка и множество всяких копчёностей и солений. Но, видимо, особой гордостью хозяев было наличие бутербродов с красной икрой. Однако икра на масло была положена скуповато, и янтарные зёрнышки выглядели словно овечки, разбредшиеся по лугу. Выпивший водочки директор аккуратно брал толстыми пальцами миниатюрный бутерброд, практически полностью запикивал его в рот, и на лице его расплывалось выражение блаженства. Секретарь вежливо следовал примеру принимающей стороны.

И вот, когда директор щедро разливал в хрустальные стаканчики уже по второй, пытливым глаз дембеля обнаружил стоящую неподалёку вазочку с красной икрой.

— Эх! А вот нам в армии приходилось икру иногда ложками есть. Так мы вот такие бутерброды забомбашивали. — Совершенно не соврав, я зацепил ложкой половину содержимого нарядной вазочки и размазал его по бутерброду. Получилось немного неровно, поэтому я исправил несовершенство, зачерпнув ещё немного икры. На дне вазочки сиротливо светилось несколько икринок.

Лицо хозяйки дома изменилось, как будто ей только что сообщили, что у неё скончался родственник. Директор поперхнулся водкой, закашлялся и застучал себя по широкой грудной клетке.

— Извиняюсь, не в то горло, зараза, пошла...

Я выпил и невозмутимо сжевал нарядный бутерброд.

— Вкусно? — поинтересовался партийный начальник язвительно.

— Хорошая икра, кетовая, свежая и непересоленная, — доложил я присутствующим, блеснув познаниями в этой области.

Хозяйка обречённо переводила взгляд с опустевшей вазочки на меня и на своего мужа. Видимо, уловив движение его брови, она забрала опустевшую посуду и отправилась на кухню. Вскоре вазочка с икрой появилась на столе вновь, но была она заполнена только наполовину и стояла в недосягаемом для меня месте.

Я невозмутимо налегал на солянку и на сокровищницу хозяйки больше не посягал.

Когда прощались с хозяевами, директор с какой-то растерянной улыбкой уважительно пожал мне руку.

Долгое время по дороге домой в нашей «Волге» стояла тишина. Сытый и пьяненький, я вальяжно расположился на заднем сиденье. Рядом валялся «Зенит» с впечатлёнными в фотоплёнку породистыми свинными рылами и радостными лицами передовиков, принимавших знамя.

— И-хи-хи-хи-хи! — вдруг раздался сдавленный звук с переднего сиденья. Я думал, что партийному боссу стало вдруг худо. А он, отбросив напускную строгость, залился безудержным хохотом, иногда по-бабьи подвизгивая.

— Ну, как ты эту икру! Ложками, говоришь, ели? — чуть не рыдал он. — А ты видел, как хозяйка-то расстроилась? Ну ты — партизан!

Меня тоже пробило на хохот, как только я представил, какой разговор шёл в директорской семье о нашествии журналиги. Вдоволь насмеявшись, мы очень душевно поговорили с партийным секретарём. Он вспоминал свою армейскую юность, я рассказал уже во всех подробностях о рыбалке с вилами. Водила его с удивлением смотрел на это почти братание.

— Ну, ты заходи, если что, — почти как волк из известного мультика попрощался со мной третий секретарь, когда приехали к райкому, и заговорщицки хлопнул по плечу.

&